

Юаньюань был наряжен в красную кофту с застёжкой посередине и чёрные ватные штаны. На ножках красовались «тигриные» башмачки, а на голове — такая же шапочка с ушками. Син-гэ'эр хорошо заботился о сыне: малыш рос белым и пухлым, то и дело сжимая ручки в крохотные кулачки.

Когда отец внёс его в залу, Юаньюань принялся с любопытством озираться по сторонам, лепеча что-то на своём младенческом языке. Син-гэ'эр снял с сына шапочку и ласково пригладил мягкий пушок на его макушке.

— Это дом твоего двоюродного дедушки, — негромко проговорил он. — А это — дядя Чжоучжоу и дядя Гу Чжао.

Ли Да, обычно неразговорчивый и суровый, при виде детей всегда смягчался. Он вытащил из-за пазухи красный конверт и вложил его в ладошку малыша.

— Рости крепким и здоровым, Юаньюань, — напутствовал он.

— И-я-а! — кроха радостно замахал кулачками.

Син-гэ'эр принял подношение за сына и почтительно поклонился Ли Да, поздравляя с Новым годом.

Все уселись в зале. Ли Чжоучжоу подал на стол семечки, арахис и сладости, заварил свежий чай. Гости окружили печь, лениво щёлкая орехи и ведя неспешный разговор. Молодой отец, баюкая сына на коленях, рассказывал, как они встречали праздник, хвалился шапочкой, которую сшил сам, и башмачками — их в пару к наряду смастерила невестка.

— Чудесно вышло. Юаньюань такой красавец, — искренне похвалил Ли Чжоучжоу.

Ван Шитоу только и оставалось, что грызть семечки. С мужем Чжоучжоу, учёным Гу, ему говорить было особо не о чем — сам-то он грамоты не знал, — поэтому он развлекал Ли Да разговорами о земле и видах на урожай.

— Дядя, снега в этом году вдосталь, да только мороз больно лют. Как бы озимые в поле не вымерзли.

Ли Да, который и в праздники не ленился наведываться к своим угожьям, рассудительно ответил:

— Вроде стоят пока ростки, держатся. Главное — сейчас их не тревожить. Вот весной снег

сойдёт, тогда и посмотрим, что к чему.

— Мой батюшка то же самое говорит. Мол, пускай под снегом спят, сейчас пшенице шевелиться нельзя.

Гу Чжао, прислушиваясь к их беседе, понимал, что Ван Шитоу просто старается заполнить тишину, однако один вопрос его всё же заинтересовал.

— Отец, брат Ван, вы говорите, что озимая пшеница холодов боится. А почему тогда её не сеять весной?

Озимую-то сеяли в десятом месяце, чтобы она перезимовала и дала урожай в июне. Яровую же — в марте или апреле, чтобы собрать в сентябре или октябре. Казалось бы, если зимой всё вымерзает, так перейдите на весенний сев.

Ван Шитоу невольно усмехнулся: сразу видно, что учёный Гу сроду на поле не работал.

— Ежели пшеницу весной сеять, она в самую жару попадёт. Поля-то у нас засушливые. А так она за зиму снегом напитается, влаги наберётся, да и земля под снегом будто жирнее становится.

Так уж заведено у пахарей: зимой за урожай из-за морозов трясёшься, летом — из-за засухи. Всю жизнь в заботах.

— К тому же в семье у нас девять ртов, — продолжал Ван Шитоу. — Двадцать пять му заливных полей да двадцать му засушливых. А в поле выйти, кроме меня, брата да отца, и некому. Ежели пшеницу весной сеять, так она аккурат вместе с рисом поспеет. Мы тогда в тех бороздах и поляжем — в жизнь со всем не управимся.

Гу Чжао понятливо кивнул: Чжоучжоу ему уже рассказывал о тонкостях сельской страды.

Видя, что собеседник слушает с интересом, Ван Шитоу разошёлся. С дядей Ли Да особо не поговоришь, а сидеть молча скучно, не про пелёнки же с ними рассуждать — это бабье дело.

— Так уж предки наши завели: весной — рис, зимой — пшеница. Сроки не сходятся, вот и время выгадываем. Можно ещё немного арахиса да проса подсеять, но на засушливых землях много сажать нельзя — земля силу потеряет, ничего на ней больше не вырастет.

Зерно — оно всему голова, всё остальное — так, побоку.

— А удобрения? Ну, навоз? — спросил Гу Чжао.

Ван Шитоу сначала похвалил его — мол, надо же, знает книжник про навозную жижу, — но тут же со вздохом добавил:

— Да много ли его спасёшь? За год и на все двадцать му засушливых полей не наберёшь. Того, что в хозяйстве копится, едва на огород хватает.

Даже у старосты, который быка держит, навоза на всё поле не напасёшься.

— И упаси тебя бог лить его прямо так, — предостерёг Ван Шитоу, решив, что учёный всерьёз надумал в землю податься. — Сгорят ростки в одночасье. Ежели пожжёшь хлеб, так потом с кого спрос?

— На заливных полях-то полегче. Как рис уберём, так туда лягушек да вьюнов запустить можно, они землю рыхлят. А на сухих — только на небо и уповаем. Дождь со снегом землю напитают — и то ладно. Да и нельзя на одном месте каждый год сеять.

В семье Ван двадцать му засушливых полей пускали в оборот по очереди. В этот год на одном участке просо да арахис посадят, чтобы себе на прокорм хватило, а на будущий — это поле отдыхает, другое пашут.

Так и жили, из века в век передавая эти нехитрые правила. Крестьянин землёй сыт, оттого и забота о ней — дело первейшее.

— Чжоучжоу говорил, что в добрый год с одного му получают около двухсот цзиней... то есть две с лишним ши зерна, — припомнил Гу Чжао.

На заливных полях выходило побольше, около трёхсот цзиней. Сегодня юноша нашёл ответ: триста — это потому что там была своя «подкормка» от живности, а засушливые держались лишь на милости небес да отдыхе. Если бы удалось найти способ удобрять их, урожай бы вырос в разы.

Гу Чжао намотал это себе на ус. Оказалось, и в пахоте наук не меньше, чем в старых книгах.

Ван Шитоу визитом остался доволен. Вернувшись домой, он даже прихвастнул перед мужем: мол, Гу Чжао — парень толковый, сразу видно, что учёный, и про землю рассуждает со знанием дела.

***

Наступила пора обеда. Когда Ли Чжоучжоу отправился на кухню, Син-гэ'эр тут же пересадил сына на колени мужу и, закатав рукава, поспешил на подмогу. На самом-то деле ему просто не терпелось посплетничать — в зале при дяде он робел и не мог слова лишнего сказать.

Теперь же, когда дети были пристроены, Син-гэ'эр сиял от счастья.

— А ты слышал? Вчера госпожа Тянь, как из гостей вернулась, всю дорогу Да-ню честила! Ты слышал?

Дом семьи Чжан стоял как раз через забор от тётушки Ван. Син-гэ'эр уже слышал обрывки слухов от соседей, но ему хотелось подробностей из первых рук, и он уставился на друга горящим взглядом.

— Ну... вчера, как в деревню Датянь сходили, Да-ню, видать, съел всё мясо, что мать родне несла, — нехотя ответил Ли Чжоучжоу.

— Ох, про это-то я слышал! Госпожа Тянь к сватам с богатыми дарами шла — и птица, и яйца, и сладости... Говорили, она в тот день добрая была, даже Нью-даня не шпыняла — радовалась, что муж разрешил брату её такие подарки нести. А уж как она сына-то ругала?

Чжоучжоу не мастер был такие речи повторять, а потому просто спросил:

— Будешь тушёную рыбу?

— Буду, — вздохнул Син-гэ'эр, понимая, что от друга подробностей не добьётся. — Вот как ты замуж вышел, совсем к людским речам остыл. Сам не знаю, почему так: пока в гэ'эрах ходил, сроду до сплетен дела не было, а как замуж пошёл — так хлебом не корми, дай послушать.

Рыбин оставалось ещё две. Хозяин Ли выловил одну и принялся чистить.

— Раньше-то про нас с тобой судачили, вот ты и не хотел слушать. Да и работы в доме было столько, что присесть некогда, — резонно заметил он.

— И то правда, — согласился Син-гэ'эр. Дома-то он за старшего был: и стирка, и готовка, и скотина — всё на нём. Как подрост, так и в поле, и за травой для свиней... Каждое мгновение на счету, а в редкие минуты отдыха ещё и вышивал на продажу.

В семье Ван всё было иначе. Невестка со свекровью были женщинами хваткими и скорыми на руку, в общем доме работы было немного — знай себе за своими вещами следи. А как Юаньюанем затяжелела, так и вовсе от дел освободили. Вот от скуки и начал по деревне круги нарезать да разговоры слушать.

— Ты вот сейчас занят, а как дитя понесешь — так сразу меня вспомнишь. Я эту привычку, почитай, как раз с Юаньюанем и нажил, — уверенно заявил Син-гэ'эр.

Ли Чжоучжоу при мысли о детях почувствовал и радость, и смутную тревогу. Родинка у него

была совсем бледной — если не присматриваться, и не заметишь вовсе. Кто знает, получится ли у них...

Работа на кухне спорилась, и вскоре стол был накрыт.

Рыба в соевой пасте, миска жареных куриных шариков, тушёная капуста с тофу и свиной, тонко нарезанная домашняя колбаса, приготовленная вчера по возвращении из Дунпина, а еще свиные потроха и ароматная свиная голова в густом соусе. На этот раз даже рис сварили белый, без примесей.

— Чжоучжоу, я как за Ван Шитоу вышел, так и в первый год такого стола не видел, — ахнул гость.

— Рыбу отец на мясо выменял, в этом году у нас её вдоволь. А курицу муж попросил зажарить — говорит, так вкуснее. Добра много, конечно, но ведь для своих, чего жалеть? — просто ответил Ли Чжоучжоу.

Син-гэ'эру стало тепло на душе. Он знал друга: тот слов на ветер не бросал.

Ужинали в зале за большим столом. Всем хватило места: Ли Да на одной скамье, Ли Чжоучжоу с Гу Чжао на другой, Син-гэ'эр с Ван Шитоу на третьей.

Юаньюаню, который уже начал привыкать к обычной еде, отец размял в миске тофу с рисом. Малыш, наевшись досыта, сидел тихо, только лепетал что-то себе под нос. Син-гэ'эр ухитрился и сына одной рукой держать, и сам есть.

Чжоучжоу, видя, как другу неудобно, предложил:

— Давай я подержу его немного.

Тот покачал головой:

— Это он сейчас такой смирный. Пока он у меня на руках — золото, а к тебе пойдёт — вмиг в рёв ударится.

Такой уж был Юаньюань: когда взрослые за стол садятся, ему непременно нужно на руках у родителя сидеть, и ни у кого больше.

За разговорами время пролетело незаметно. Смеркалось. Гости начали собираться. Малыша укутали поплотнее, надели шапочку. Ван Шитоу взял сына на руки — на дорогах ещё лежал снег, и Син-гэ'эр боялся оступиться.

Чжоучжоу и Гу Чжао вышли проводить их. Не успели они ступить за калитку, как со двора госпожи Тянь снова донёсся её зычный голос: она опять распекала Да-ню. Ли Чжоучжоу покосился на Син-гэ'эра: в сумерках нельзя было разглядеть лицо друга, но его горящие любопытством глаза буквально сияли.

— Смотри под ноги, не ровен час оступишься, — предостерёг его Чжоучжоу.

— Знаю, знаю! Ступайте в дом, — отмахнулся Син-гэ'эр, прибавляя шагу и увлекая за собой мужа — поближе к забору соседки, чтобы слышнее было.

Когда тени гостей скрылись вдали, Гу Чжао и Ли Чжоучжоу вернулись во двор и заперли ворота.

— Устали за день. Ужинать больше не будем, — предложил Гу Чжао. — В котле вода горячая есть, погреем ноги да ляжем пораньше.

— Пойду спрошу у отца.

Завтрак был плотный, обед — и вовсе пир горой. Да и разошлись они поздно, часа в три, а потом ещё чай со сладостями пили. Ли Да тоже сказал, что не голоден, так что готовку затевать не стали.

Умывшись, забрались на кан.

Гу Чжао, уютно устроившись в объятиях своего Чжоучжоу, лениво поглаживал его ладонь. Супруг чуть шевельнулся, и Гу Чжао поднял голову, немым вопросом спрашивая: что-то не так?

— Нет, — выдохнул Ли Чжоучжоу, а спустя мгновение добавил едва слышно: — Муж мой, а ведь Юаньюань такой пухленький да славный...

Гу Чжао выпалил первое, что пришло в голову:

— Так и я белый да нежный. Неужто я не славный?

Если нет — так он готов еще поупражняться в своем мастерстве.

Чжоучжоу запнулся, забыв, что хотел сказать, и только поспешно заверил, что муж у него самый милый. Гу Чжао тоже сообразил, к чему клонит супруг.

— Чжоучжоу, ты любишь малышей? Хочешь ребёночка?

— ...Наверное, — Чжоучжоу, видя сияющие глаза мужа, не решился признаться в своём желании.

«Надо же, он даже к младенцу меня ревнует».

Гу Чжао фыркнул:

— Я вот думаю, что сам ещё молод. Я — личный «жёнин любимчик» Ли Чжоучжоу. С детьми спешить не станем, подождём пару лет. — Он капризно потерся носом о плечо супруга. — Ну скажи, что согласен?

— Хорошо, хорошо, — тут же отозвался Ли Чжоучжоу.

Уже засыпая, он вспомнил, о чём на самом деле хотел поговорить. Он боялся, что из-за бледной родинки не сможет быстро понести, и хотел предупредить мужа — мол, Син-гэ'эру тоже целый год понадобился.

А оказалось, что муж и сам не торопится. С души Ли Чжоучжоу будто камень свалился. Ну, родинка бледная, ну, шансов поменьше — так ведь если здоровьем заняться, со временем всё наладится?

***

Наступило пятое число.

Рано утром, наскоро позавтракав, Ли Чжоучжоу и Гу Чжао отправились в деревню Шили, в дом Учёного Чжу.

В своё время Ли Да забивал там свиней, и ему довелось познакомиться с хозяином. У Учёного Чжу как раз родился сын, и он, спешно вернувшись из округа на празднование месяца со дня рождения наследника, пробыл дома всего пару дней и снова уехал к книгам.

Обычно его дома не бывало, и в усадьбе оставались только старики-родители, жена да младенец. Оттого ворота их дома всегда были наглухо заперты.

Гу Чжао постучал. Изнутри донеслось настороженное:

— Кто там?

— Гу Чжао, зять Ли Да из деревни Сипин, с супругом Ли Чжоучжоу.

— Подождите мгновение, я свекровь позову, — ответил голос. Должно быть, это была Юньнян, жена Учёного Чжу.

Вскоре ворота отворила пожилая женщина.

Учёному Чжу в прошлом году, когда он сдал экзамен, было двадцать два. Женились в этих краях рано, так что матери его должно было быть около сорока, но стоявшая перед ними женщина была совсем седой и сгорбленной, на вид ей можно было дать все шестьдесят.

После вежливых приветствий она пригласила гостей в дом.

Усадьба Чжу была крохотной, а три комнаты главного дома и вовсе тесными. Стены глиняные, крыша черепичная. Ли Чжоучжоу заметил, что, видать, раньше комнат было всего две, но их перегородили. Внутри догадка подтвердилась.

Света в доме не хватало. Даже зимой, когда утреннее солнце должно было заглядывать в окна, в залах было темно и зябко — печь не топили.

— В доме у нас бедно, не обессудьте, — проговорил Учёный Чжу, сложив руки в поклоне.

Это была лишь скромность, и Гу Чжао поспешил ответить:

— Что вы, во всех домах порядки одинаковые.

Матушка Чжу подала гостям горячий чай и ушла на кухню.

Гу Чжао изложил цель своего визита. Говорил он красиво: первым делом расхвалил хозяина — мол, и умён не по годам, и звание получил рано, не в пример ему самому, который в прошлом году лишь позорил наставника и не имел лица даже в книгу заглянуть. Но, мол, руки к тяжёлой работе не привыкли, в поле от него толку мало, вот и решил он попробовать ещё раз...

Чем больше Гу Чжао принижал себя и возвышал собеседника, тем благосклоннее становился Учёный Чжу. В конце концов суровое лицо хозяина разгладилось, и он даже приободрил гостя, заметив, что сам только в двадцать два звание получил, так что Гу Чжао отчаиваться не стоит.

— Пришёл я по двум делам, — продолжал Гу Чжао, отвесив поклон. — Во-первых, поблагодарить брата Чжу за те четыре книги, что он советовал в прошлый раз. Две из них мне удалось найти в городке. А во-вторых — осмелюсь просить вас привезти мне оставшиеся две из округа. Мы живём далеко, ездить нам несподручно, вот я и решился беспокоить вас своей просьбой.

Хозяин ответил:

— Сразу после праздника Фонарей я отправляюсь в округ. Вернусь, пожалуй, только в седьмом месяце.

Давая понять: если книги нужны не к спеху, он поможет.

— Я подожду. Не скрою от брата Чжу: после прошлогодних экзаменов я забросил учёбу больше чем на год, теперь вот нагоняю упущенное.

Видя такое рвение, Учёный Чжу согласился. Он пояснил, что в округе печатные издания стоят по два лян за книгу, а рукописные — по полтора. Гу Чжао рассудил, что рукописных будет вполне достаточно.

Ли Чжоучжоу, всё это время тихо слушавший их беседу, понял, что настала его очередь. Он достал из-за пазухи три лян серебра и передал мужу.

В среде учёных слово ценилось высоко. Гу Чжао просил о помощи и не мог требовать расписки — скажи он такое, и собеседник тут же выставил бы его за порог за оскорбление чести.

Серебро перешло к Учёному Чжу.

Тот, смягчившись, рассказал немного о жизни в окружной академии. Те, кто сдал экзамены с лучшими результатами, попадали в Гоцзыцзянь или Фу-сюэ без труда. Тем же, кто оказался в хвосте списка, требовались рекомендации наставников и повторные испытания.

Фу-сюэ была официальной академией округа, и путь туда был открыт только для сюцаев. Каждый месяц там проводились проверки знаний. Тем, кто неизменно занимал первые места в списках, академия выплачивала награду — три лян серебра.

— ...Я талантами не блистаю, наград не получал, — признался Учёный Чжу. — Однако ежемесячно нам выдают рис и муку, так что голодать не приходится.

В переводе Гу Чжао это значило: в академии кормят даром.

И жильё, и стол — всё за казённый счёт. Порядки завидные.

Уходили на каникулы в Фу-сюэ дважды в год: в седьмом месяце и на Новый год. Раньше летнего отдыха не полагалось, но лет десять назад, на особых экзаменах, второе место — звание Банъяня — занял выходец из простой крестьянской семьи. Случай был редкий, и император Канцзин соизволил расспросить его о жизни простого люда.

Император спрашивал — учёный отвечал. Рассказывал, как труден крестьянский хлеб, как потеет в поле старый отец. Говорил, что, учась в академии, всякий раз в пору жатвы чувствует

вину, что не может помочь родителям.

Гу Чжао выудил это воспоминание из памяти. Бог весть, говорил ли тот Банъянь искренне или просто хотел привлечь внимание государя, но император, ценивший сыновнюю почтительность, был тронут. Он лично даровал всем ученикам из бедных семей особый «сельский отпуск» в седьмом месяце.

Тот самый Банъянь, открывший дорогу остальным, со временем попал в академию Ханьлинь и дослужился до второго ранга. Он стал кумиром для всех деревенских мальчишек, мечтавших о книгах.

Память прежнего Гу Чжао хранила об этом человеке всё до мельчайших подробностей. Жаль только, что спустя несколько лет того сановника Чу казнили за мздоимство.

Вспомнив об этом, Гу Чжао вскользь заметил, что в собеседнике виден дух того самого великого мужа.

Учёный Чжу хоть и просиял в душе, но виду не подал. Скромно ответил, что ему до сановника Чу далеко, нужно ещё много трудиться, чтобы сдать провинциальные экзамены и избавить близких от тяжкого труда в поле.

Только со званием цзюйжэня человек обретал право на чин и становился истинным господином. Матушка Чжу ради учёбы сына за несколько лет постарела на доброе десятилетие, сам он дома почти не бывал. Будь они побогаче — могли бы всей семьёй перебраться в округ.

***

На обратном пути Гу Чжао всё думал об этом.

Ежели он сдаст экзамен, ему непременно нужно будет в Фу-сюэ — только там можно набраться настоящих знаний и завести нужные знакомства. Но как же он там будет один?..

— Чжоучжоу... — Гу Чжао жалобно потянул супруга за руку.

Ли Чжоучжоу, слыша этот ласковый голос, невольно улыбнулся:

— Что такое, муж мой?

— Я ведь без своего супруга — как без рук. Пропаду я без тебя, Чжоучжоу, и шагу ступить не смогу.

Ли Чжоучжоу не знал, что это за странные слова, которыми его иногда называл муж, но смысл уловил. На сердце стало сладко.

— Я тоже никуда от тебя не уйду, — пообещал он.

Так они и шли, держась за руки, словно неразлучные тени, благо зимние поля вокруг были пусты. Гу Чжао твёрдо решил: пока не придёт срок сдавать на сюэя, нужно накопить побольше денег. Столько, чтобы хватило на переезд всей семьёй в окружной город.

А удастся ли сдать с первого раза — вопрос второй. Деньгам-то в любом случае применение найдётся. Доход в доме шёл с двух сторон: от земли да от торговли. С торговлей пока погодим, а вот про землю Гу Чжао вспомнил — Ван Шитоу на днях про удобрения толковал.

Сухие поля не удобряют, потому как нечем. Пахари знают, что навоз — золото, да только где его взять на десять му? В семье Ван девять человек, а за месяц и на одно му не накопят.

Гу Чжао, ещё плохо представляя масштаб работ, попросил Ли Чжоучжоу показать ему их поле. Тот, не видя в просьбе ничего странного, охотно согласился. Когда они вышли к меже, юноша указал рукой:

— Вот здесь, муж мой, наши десять му засушливых угодий. А заливные поля у реки, в другой стороне.

Гу Чжао окинул взглядом бескрайнюю снежную гладь. И это только десять му!

— Чжоучжоу, — муж нежно коснулся мозолей на руке супруга, — как же тебе, должно быть, тяжело приходилось...

Хозяину Ли и в голову не приходило жаловаться. Все так жили. Урожай радует — и то ладно, а усталость... ну что ж, работа она и есть работа.

— В страду потрудишься, зато потом легче. В этом году снега много, как весна придёт — земля напьётся, урожай знатный будет.

Гу Чжао помолчал, а потом спросил:

— Чжоучжоу, а если я найду способ, как урожай в поле увеличить... Ну, чтобы зерна больше было. Ты мне поверишь?

Крестьянин землёй живёт, и если какой книжник, в пахоте несведущий, такие речи заведёт — так его на смех поднимут.

— Неужто и вправду такой способ есть? — серьёзно спросил Ли Чжоучжоу, глядя в глаза мужу.
— Раз ты говоришь — значит, я верю.

Он знал: Гу Чжао слов на ветер не бросает и попусту землю портить не станет. Такое безграничное доверие тронуло учёного. Он огляделся — никого вокруг — и прильнул к супругу:

— Какая же ты у меня умница...

Разгуляться при свете дня он не решился, знал, что Чжоучжоу засмущается. Сам-то он бесстыдник, ему всё нипочём. Но приличия блюсти стоило. Гу Чжао только крепче сжал ладонь мужа и улыбнулся:

— Я дома ещё поразмыслю. Нужно будет у тебя да у отца кое о чём расспросить.

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/15349/1420219>